

25 октября.

ИЗЪ ЖИЗНИ.

Новос. бирж. газ. № 294. 1903.

Стоять «медведевские дни»... Такъ кто-то уже окрестилъ дѣящееся чествованіе полу-вѣковой артистической дѣятельности П. М. Медвѣдева.

25 окт

Начались эти «дни», если можно такъ выразиться, ведренно. Было тепло и уютно. М. Г. Савина пѣла здоровье «папаша»; П. М. Медвѣдевъ пѣлъ здоровье «дѣтокъ», которыхъ любить и которыми гордится. Роли «дѣтокъ» мило исполняли г-жа Савина и г. Давыдовъ. П. В. Самойловъ возвѣстилъ, что «балконъ» тоже пѣтъ здоровье маститаго юбиляра, на что растроганный юбиляръ извѣстилъ, что былъ-бы счастливъ, «если-бы дожилъ до галлерей». Были нѣкоторые представители литературы, которые ничего не говорили, но зато на другой день прочувствованно описали кулебягу. Они съта сообщили подробность, очень цѣнную для исторіи театра, вообще, и для артистической дѣятельности юбиляра, въ частности: оказывается, что кулебягу, которую пекутъ у П. М. Медвѣдева, можно сравнить только съ кулебякой—и то относительно—которую изготовляютъ «подъ надзоромъ К. А. Варламова». Ска-ажите! И для того, чтобы это стало общезвѣстнымъ, нужно потрудиться, по крайней мѣрѣ, полвѣка! Потомъ я узналъ, что бывають переяславскія селедки, какіе-то левашники, еще что-то, о чемъ я никогда раньше не слыхалъ и что въ высшей степени питательно и вкусно. А въ заключеніе—нѣкоторый опытъ психологіи артистическаго «нугра»! Оказывается, что П. М. Медвѣдевъ такъ хорошо играетъ въ «Мертвыхъ душахъ» Петра Петровича Пѣтуха... какъ-бы вы думали—почему? Потому что у него самого пекутъ такую удивительную кулебяку... Вотъ онъ истинный возбудитель художественной эмоціи и артистическаго творчества! Очень мило! прямо чудесно!

Однако, оставимъ гастрономамъ доказывать, что кулебяка вокругъ Александринскаго театра ходить. Отвлечемся отъ левашниковъ, обойдемъ съ почительнымъ изумленіемъ осетра и скажемъ теплое «прости» переяславской селедкѣ. И помянемъ того, кто на артистическихъ юбилеяхъ долженъ занимать первое—послѣ юбиляра—мѣсто. Помянемъ—зрителя.

Я думаю, что какъ-бы ни были теплы и сердечны товарищескія привѣтствія и какъ-бы ни удалась кулебяка, но былъ у П. М. Медвѣдева одинъ моментъ, который заслонилъ всѣ остальные впечатлѣнія юбилейнаго торжества. Это былъ моментъ, когда поднялся «зритель» и вспомнилъ дебюты П. М. Медвѣдева въ провинціи и благодарилъ юбиляра за давнее художественное наслажденіе. Я думаю, въ эту минуту сильнѣе забилось сердце заслуженнаго ветерана русской сцены и еще свѣтлѣе глянулъ на него ликующій день его артистическихъ «именинь». И промелькнули долгіе годы его сценической жизни,—можетъ быть,—какъ одинъ день...

335

Зритель! Вотъ тотъ, кого онъ, счастливый юбиляръ, всегда такъ любилъ и боялся. «Незримый, ты мнѣ былъ ужь милъ!». На судъ этого многоголоваго «чудовища» онъ несъ свои муки творчества, свою артистическую душу, свои художественныя грезы и тревоги. И ждалъ,—ждалъ, волнуясь, терзаясь,—можетъ быть, страдая... Хлопокъ! «Браво!» Еще и еще... Громъ рукоплесканій... Восторженный гулъ голосовъ: «Медвѣдевъ!» Ты—побѣдилъ, артистъ!..

Но что-то тамъ, въ глубинѣ радостно взволнованной души, говоритъ: это—не все! Великая награда для артиста—рукоплесканія и восторги зрительнаго зала. Это—его «допингъ». Но онъ хотѣлъ-бы услышать «слова». Онъ желалъ-бы видѣть это «чудовище», которое именуется публикой, не по ту сторону рампы, а здѣсь, совсѣмъ близко, около себя. И когда уже погасли театральные огни, и стихли рукоплесканія, и смыты поддѣльные краски,—онъ хотѣлъ-бы просидѣть съ этой публикой за дружеской бесѣдой и вести-бы съ ней интимный разговоръ. Онъ желалъ-бы настоящаго, близкаго общенія съ публикой.

Было время, когда на дверяхъ, ведущихъ за кулисы, еще не красовался афишагъ: «чужакамъ входъ воспрещается». Было время широкаго живого общенія артистовъ съ театрами не только партера, но и галлерей. По окончаніи спектакля сплошь и рядомъ можно было наблюдать, какъ въ театральномъ буфетѣ или сосѣднемъ «капернаумѣ» возсѣдали «таланты» и ихъ поклонники. И здѣсь безличное «браво» и однообразный шумъ рукоплесканій уступали мѣсто преніянь, отзывамъ и спорамъ, отмѣченными печатью индивидуальнаго отношенія къ личности и къ творчеству артиста. Не только не чуждались, но даже искали этого общенія такія крупныя силы русскаго театра, какъ Милославскій, Рыбаковъ и друг. Здѣсь устанавливалась и крѣпла тѣсная связь между артистомъ и зрителемъ; здѣсь артистъ провѣрялъ жизненность и «прочность» своего творчества, почерпалъ силы и вдохновеніе для своихъ будущихъ созданій; зритель воспитывался въ благородной, чистой, осмысленной страсти къ театру. Это общеніе было великой школой для обоихъ міровъ.

Теперь «порвалась цѣпь великая». Тѣ-же рукоплесканія, то-же остервенѣлое «браво», но нѣтъ «слова», нѣтъ общенія, нѣтъ связи, нѣтъ ясной, бодрящей, вдохновляющей увѣренности въ ясномъ пониманіи тебя, какъ артиста, въ любовномъ приобщеніи къ радостямъ и терзаніямъ твоего артистическаго творчества. И не разъ,—думается мнѣ,—даже у баловней успѣха, когда уже смолкли неистовыя рукоплесканія и закончили мѣтъ театральныя психонатки,—наросталъ въ душѣ горькій призывъ:

«Гдѣ ты, зритель? Эй, отзовись!»

И вотъ, когда заглазены въ артисту «господинъ Юбилей», съ ласковой пріятностью уставить столъ его великолѣпной кулебякой и переяславскими селедками и, настроивъ всѣ громкіе инструменты, скажетъ: «пожалуйте!»—тогда...

Тогда растроганный юбиляръ, прежде всего, начнетъ искать глазами своего великаго друга-зрителя, которому онъ всегда, какъ влюбленный юноша, дарилъ «и первыя фіалки, и утра первыя мечты».

Мечтатель.